

ДИОНИСИЙСКОЕ КАК НУМИНОЗНОЕ

Раскрывается взаимная представленность нуминозного и дионисийского. Анализируются теоретические описания дионисийского как культуемы и нуминозного как психического. Делается вывод о возможности раскрытия специфики нуминозного в эстетическом и религиозном опыте.

Ключевые слова: дионисийское, нуминозное, психическое, иррациональное.

Розкривається взаємна представленість нумінозного і діонісійського. Аналізуються теоретичні описи діонісійського як культуеми і нумінозного як психічного. Робиться висновок про можливість розкриття специфіки нумінозного в естетичному і релігійному досвіді.

Ключові слова: діонісійське, нумінозне, психічне, ірраціональне.

Disclosed mutual representation of the numinous and the dionysian. Analyzed the theoretical description of the Dionysian as cultural category and numinous as psychic. The conclusion about the possibility of disclosure of the specifics of the numinous in the aesthetic and religious experience.

Key words: dionysian, numinous, psychic, irrational.

Современная культурная ситуация характерна взаимной представленностью двух противоречивых процессов. Так, мы можем наблюдать тенденцию к десакрализации, кризис традиционной религии и религиозного сознания как такового. Вместе с тем отмечается гиперсакрализация [5]: сакральный статус приобретают предметы, не имеющие изначально отношения к религии (например, автомобили, произведения искусства, предметы гардероба и даже имена деятелей культуры). Очевидно, что между первичным синкретизмом, присущим мифологическому сознанию, и таким неопримитивизмом стоит история культуры, где вещи материальные и идеальные предметности разведены, вплоть до апории духа и тела. Однако, эта абсолютная дистанция между субъектом и объектом почитания, которая возникла в силу традиции монотеизма, снимается. Numen (образ божества) приурочивается, по сути, к материальному носителю, что характерно для фетишизма.

Исходя из этого, возможно провести параллели между древнейшими проявлениями культа Диониса и современными явлениями массовой культуры. Симметричными являются древнейший синкретизм, присущий культу Диониса, и диффузность культурного сознания, выражением которой является массовая культура. Стадии инволюции религиозного сознания в современном мире зеркально соответствуют стадиям его эволюции в древности: от кризиса рациональности и десакрализации к подобию предсакрального состояния (неопримитивизму). Отсюда возникает симметрия: один полюс образует древность, древняя мифология с присущим ей синкретизмом, а другой – современная культурная ситуация, характеризующаяся диффузностью и массовидностью. Осью этой симметрии, возможно, является осевое время. Моментом единства, обеспечивающим возможность такого ретроспективного анализа, выступает нуминозное, как некая антропологическая константа, психический аспект дионисийского, взятого как культуема.

Такая ретроспекция представляется плодотворной в двух отношениях. Во-первых, аналитика дионисийского сквозь призму нуминозного позволяет уяснить глубинные основания религиозного опыта и, в перспективе, подойти к пониманию религиозного опыта в свете понимания глубинной характерности религиозности для человеческого сознания. Во-вторых, такой анализ дает возможность вскрыть специфику антропологических содержаний определенных процессов культуры (омассовления, неопримитивизма, неомифологизма и др.).

Прежде всего, мы исходим из равноценности дионисийского и нуминозного в философском анализе процессов культуры. Нуминозное, как специальное априорное понятие теории религии [7], в том числе юнгианской метафизики, является фундаментальной категорией религиозного опыта; а дионисийское – это, прежде всего, культуема. Но, с нашей точки зрения, его статус универсалии культуры сопоставим с нуминозным. Дионисийское – это

форма нуминозного, виражаюча способ его бытия через представления о божественном безумии, взаимосвязи Эроса и Танатоса, символике смерти-возрождения и другие. Дионисийское атрибутирует особые состояния человеческого духа, иррациональную стихийную мощь эстетизации бытия, опыт которой оформляется, в частности, в явления искусства или культовую символику.

Ницше уподобляет дионисийское опьянению, вызывающему измененное состояние сознания: человека охватывает необычное чувство – он одновременно переживает ужас от накатывающегося на него потока необузданной «животной» природы, а с другой – блаженный восторг от переживания состояния раскрепощенности и прикосновения к божественной сущности – «обожествление» [6]. Как чувственная стихия, дионисийское символизирует темный аспект жизни, вселенскую энергию воли, взрыв витальности – силу, способную одновременно творить и разрушать [1].

Анализируя переживание нуминозного, Р. Отто подчеркивает его амбивалентный характер: в нем соединяются своеобразие откровения тайны устрашающей (*mysterium tremendum*) и одновременно очаровывающей (*mysterium fascinans*). Поэтому эмоциональным откликом на встречу с нуминозным, которое воспринимается субъектом как «Нечто Иное» (*Ganz Andere*) оказывается сочетание «страха и трепета» с «восхищением и восторгом» [8]. Эта характерная амбивалентность переживания присуща и культу Диониса, который был для греков нуминозным объектом.

Нуминозное и дионисийское переживается как демоническое, смутное и непонятное, сумрачное и темное, абсолютно иррациональное [1]. Оно свободно от любых оценочных суждений и морально-этических рамок, то есть находится, по выражению Ницше, «по ту сторону добра и зла». В этом переживании «смысл онтологически не дифференцирован» (В. Пиворюс), он заключен в самой интенсивности и динамичности переживания, что «открывает доступ» коллективному бессознательному к сознанию. Содержания коллективного бессознательного – архетипы – как основу воображения можно найти во всех культурах и во все времена человеческой истории. Попадая в сферу сознания, архетипы воспринимаются как «Нечто иное», нуминозное. Сознание оказывается перед необходимостью рациональной обработки этого переживания. В этом качестве оно и является априорным условием возникновения представлений о высшей силе, о Боге. При этом нуминозное чувство не означает, что его объект божествен сам по себе. В этом отношении характерно замечание К. Г. Юнга, что понятие Бога есть необходимая психологическая функция, имеющая статус архетипической. Она иррациональна по своей природе и с вопросом о существовании Бога вообще не имеет ничего общего [9].

Так нуминозное имманентно психическому, но при этом оно формирует идею трансцендентного. По мере эволюции религии само явление, которому приписывается статус божественного, получает образно-символическую форму, вплоть до символа Бога. Но рационализованная идея Бога не может заменить иррациональное переживание нуминозного, так как лишь в нем дан мифологический и религиозный опыт, возводимый в статус откровения. Сакральное и священное – понятия, производные от нуминозного в аспекте опыта – также соответствуют и возможностям опыта исторически более позднего, а именно опыта дистанции между земным миром и трансцендентным, которая только в мировых религиях становится абсолютной. Так, в историческом плане можно наблюдать эволюцию от *genius* (гений места, дух) к *numen* (божество) до *deus* – (Бог) [2], что выражено, в данном случае, становлением культа Диониса – от бога умирающей и возрождающейся природы, основными формами почитания которого были оргии и мистерии, – до карающего божественным безумием олимпийца, к образу сына божьего в иудео-христианской традиции [4].

Итак, нуминозное есть переживание религиозного сознания, которое, однако, не просто коренится в бессознательном, но дает сознанию возможность актуализировать материал бессознательного в иррациональной форме, которая не удваивается и не приводится к понятию. Возможно, это и есть форма взаимодействия разума и веры в религиозном опыте. Их гармоническая взаимосвязь позволяет религии оставаться живой [3].

По Юнгу, архетипы могут всплывать в сознании на творческом подъеме. То есть нуминозный опыт есть и эстетический. Так, процесс художественного творчества представляет собой синтез чувственного материала и материала воображения, фантазии. Но сама фантазия, согласно Юнгу, не произвольна, но задается бессознательным [10]. Творчеству, подобно нуминозному переживанию, присуща трансцендентальная направленность, выход за рамки сознания творца. Ницше считал, что творчество, отделяясь от личности творца, становится выше него, захватывает его, управляет им. И именно такую личность Ницше называет дионисийской, а мир рассматривает как эстетический феномен. Эстетизируя бытие, «художник сам становится произведением искусства» [6]. Юнг, в свою очередь, очерчивая позицию Ницше, в качестве примера такого опыта приводит «Заратустру», где, как выразился сам автор, одно стало двумя. В культурном сознании это особое состояние облекается в форму дионисийского безумия [2]. Юнг определяет его как страсть к трансцендентному (божественному или бессознательному), нуминозному, делающую безумного непостижимым [9]. Так, по Ницше, понимание истинной природы дионисийского становится делом немногих, так же как и не каждый верующий человек имеет нуминозный опыт. Но при этом такой поток бессознательных содержаний в сознание, с одной стороны, является необходимым условием рождения «дионисийской самости» [1], как творца или же сверхчеловека, причастного к основам Бытия; с другой же стороны, он может привести к ассимиляции сознания бессознательным, и как результат, к патологическим состояниям. Защитную функцию для сознания, по Юнгу, выполняет религия, которая переводит архетипические образы в культурные символы [9].

Таким образом, нуминозное выступает основанием религиозных символов и произведений искусства, которые являются способом его бытия. Само же содержание нуминозного остается принципиально невербальным. Оно не зависит от образных форм, но, наоборот, порождает их, – как попытки перевести актуальный иррациональный материал в язык, выразить его. Как только эти явления приобретают характер высказываний, исходящих от определенного субъекта, они понимаются как некий язык, но будто бы не созданный человеком, то есть как язык предметных знаков, язык «самого» нуминозного. Наиболее отчетливо это проявляется, вероятно, там, где обнаруживают себя чрезвычайные природные явления, вызывающие у человека страх и ужас.

Итак, нуминозное обнаруживает основания религиозного опыта (является априорным условием возникновения представлений о высшей силе, о Боге) вместе с историческим становлением которого оно рационализируется и получает новые интерпретации. Можно сказать, что культовые практики и идеология – способ подготовки сознания к опыту нуминозного, оно же остается сугубо спонтанным (кроме описанных Р. Отто случаев переноса – конверсии, но и она возможна только при уже существующем опыте нуминозного [8]).

Все изложенное указывает на возможность раскрыть специфику нуминозного, как психического, в ряде видов опыта: эстетического (через апорию дионисийского и аполлонийского), религиозного (как сакрального, священного и святого), практики символогенеза (в психоаналитических исследованиях религиозного и эстетического опыта).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бишоп П. Идея нуминозного в работах Гете и Юнга: [электронный ресурс] / Поль Бишоп; [пер. с англ.] // The Idea of the Numinous / [ed. by A. Casement & D. Tacey]. – London: Routledge, 2006. – Режим доступа: <http://www.maap.ru/library/book/52>.
2. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное / Эрик Робертсон Доддс; [пер. с англ. С. В. Пахомов; послесл. Ф. Х. Кессиди]. – СПб.: Алетейя, 2000. – 507 с.
3. Зенкин С. Небожественное сакральное. Теория и художественная практика / С. Зенкин. – М.: РГГУ, 2012. – 537 с.
4. Иванов В. В. Дионис и прадионисийство / В. В. Иванов. – СПб.: Алетейя, 2000. – 342 с.
5. Нанси Ж.-Л. Сакральное в современном обществе: [электронный ресурс] / Ж.-Л. Нанси, В. А. Подорога. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Sakral-noe-v-sovremennom-obschestve>.

6. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / Фридрих Ницше; [пер. с нем. А. Михайлова; сост., общ. ред., коммент. и вступ. ст. А. А. Россиуса]. – М.: Ad Marginem, 2001. – 735 с.
7. Омар А. Нуминозный опыт индивида в контексте предфилософии. Проблемы историко-философского анализа: дис. ... канд. психол. наук: 09.00.03 /Омар Ассель. – Москва, 2011. – 136 с.
8. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его отношении с рациональным / Рудольф Отто; [пер. с нем. А. М. Руткевич]. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. – 272 с.
9. Юнг К. Г. Очерки по теории бессознательного / Карл Густав Юнг; [пер. с нем.]. – М.: Когито-Центр, 2006. – 352 с.
10. Юнг К. Г. Психологические типы / Карл Густав Юнг; [пер. с нем.]. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006. – 528 с.